

— Лев Константинович, как Вы пришли в свою профессию? Как все началось?

— Не могу сказать, как говорят некоторые актеры, что первым моим словом в жизни было: «Театр!».

До восьмого класса я и представления не имел об актерской профессии. время было трудное, шло восстановление разрушенного войной, а мы, ребята, часто бывали предоставлены сами себе. Как водится, во дворах составлялись компании, дерущиеся с соседними дворами и отстаивающие честь и достоинство своей улицы. Ничем от других мальчишек не отличаясь, я тоже отстаивал «интересы» своего Коровьего Брода — улицы моего детства. И вот однажды, после очередной баталии, подошел ко мне парень и сказал: «Здорово ты бьешься! С азартом! Но лучше приходи к нам, во Дворец пионеров». Я растерялся, однако в ближайшем воскресенье отправился во Дворец пионеров Бауманского района Москвы. Да так там, можно сказать, и остался. Педагогом театральной студии был у нас Сергей Владимирович Серпинский — замечательный учитель и человек. Он первый вселил в меня веру, что я смогу стать актером. Ни дома, ни в школе всевозможным не говорились, но через два года я пошел сдавать экзамены в Школу-студию МХАТ... и меня приняли!

Окончив театральное училище, получил приглашение в Центральный Детский театр. А тогда там работали Заливни Чернышова, Ефремов, Эфрос! Центральный Детский стал моей самой серьезной актерской школой. Там я переиграл массу прекрасных ролей. Например, играл Тучку Молодого Огурца (не просто Огурца, а именно Молодого!). Одновременно начал сниматься в кино, хотя первые работы не приносили большой радости ни мне, ни, думаю, зрителям.

В ту пору только начали переходить к производству десятков фильмов в год, и сразу понадобилось много актеров...

Только что появилось и телевидение. Большие (а на глубоком экране миллионные) тиражи актерских работ сняли с этого рода человеческой деятельности ореол таинства, легенды. Популярность завоевывалась все легче, авторитет, а тем более пьедестал — все сложнее. Бурный рост родственных жанров, развитие самостоятельного искусства поставили артиста в жесткие рамки работы. За нами наблюдает многомиллионный, серьезный, требовательный зрительский глаз. Тут есть над чем задуматься...

Только что появилось и телевидение. Большие (а на глубоком экране миллионные) тиражи актерских работ сняли с этого рода человеческой деятельности ореол таинства, легенды. Популярность завоевывалась все легче, авторитет, а тем более пьедестал — все сложнее. Бурный рост родственных жанров, развитие самостоятельного искусства поставили артиста в жесткие рамки работы. За нами наблюдает многомиллионный, серьезный, требовательный зрительский глаз. Тут есть над чем задуматься...

Начонец, третье чувство — ритм. Или, я бы сказал, азарт, хотя это не точно. Азарт к работе, скорость реакции, синхронность внутренней, духовной жизни плюс высокая организованность и собранность...

— Часто в статьях, посвященных Вашему творчеству, можно встре-

убедит себя или даст себя убедить, что можно оставаться спокойным при виде чужой беды, помнить лишь о себе, заставить замолчать собственную совесть. Очень часто человека «маленьким» делает уязвленное самолюбие. Так было с моим отрицательным персонажем Клаусом из «Семнадцати мгновений весны». Ему кажется, что он обойден. Что природа или люди что-то ему недодали. А фашизм — благодатная почва, на которой такой вот Клаус может «расцвести» и «отомстить

вится ли ему наша работа.

...Занавес опустился. На поклонях я увидел в зале Шукшина. Он не аплодировал, сидел, задумавшись. «Не понравилось», — решил я и очень огорчился. Но потом мы долго бродили с ним по ночным московским улицам. Тогда Василий Макарович рассказал о своей новой работе — «Калине красной», и буквально в нескольких словах раскрыл мне всю «жизнь» моего будущего персонажа — официанта. А впоследствии, на съёмочной площадке, он все призвал актеров: «Играйте достоверно, как в театре!».

— Лев Константинович, много ли Вы получаете писем от своих зрителей?

— Много, и особенно от молодежи. Спрашивают, как стать актером, что читать, на какие спектакли ходить. Интересуются, над чем я сейчас работаю. Что ж, воспользуюсь случаем и отвечу.

В кино закончил сниматься в телевизионном фильме «Тупой или театре маленькие роли, эпизоды, объясняя это тем, что на эпизодах можно «защамповаться» и что «большая» роль выйдет «лоскутным одеялом» из эпизодов.

— Лев Константинович, бывает так, что молодой актер отказывается играть в кино или театре маленькие роли, эпизоды, объясняя это тем, что на эпизодах можно «защамповаться» и что «большая» роль выйдет «лоскутным одеялом» из эпизодов.

— Мне кажется, что такая «опасность» сильно преувеличена. И вообще не умаляется авторитет актера, если он занят в эпизодах.

В конечном итоге удачно сыгранный эпизод может запомниться зрителю гораздо сильнее, нежели даже центральный образ. Я никогда не гнушаюсь подобными ролями. И однажды был за это качество вознагражден судьбой: меня пригласил сниматься в «Калине красной» Василий Макарович Шукшин — на роль официанта.

твить слова: «Создал образ «маленького человека». Что стоит за этим понятием?

— «Маленький человек» — это, на мой взгляд, высшая мера раздвоенности. «Маленькие» мысли, узкий кругозор, неразвитая воля... Может быть, такие люди действительно есть, но это уж их вина, во всяком случае в наше время. Я считаю, что каждый человек, какое бы место в обществе он ни занимал, маленьким быть не должен. И мой персонаж из «Брата Алеша» — штабс-капитан Снегирев — борется с этим проклятием, с этим чувством «маленького человека».

Другой мой герой — Гэли Гэй — из пьесы Бертольта Брехта «Что тот солдат, что этот» — портовый грузчик. Он по собственной доброте, и приниженности никому не может сказать «нет». И потому волей обстоятельств превращается из мирного обывателя в не рассуждающего убийцу, послушного и беспощадного солдата.

На примере своих персонажей я стараюсь показать, как слабый человек может превратиться в винтик какой-нибудь страшной машины, если

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ЛЕВ ДУРОВ

матся...

В позапрошлом году труппа нашего театра выступала в Югославии, на Белградском международном фестивале. Там я и узнал это сербское слово «уметност», что по-русски значит «искусство». Очень точно! Уметь. Уметь делать свое дело. Хорошо, правда?

— А в чем оно — мастерство в Вашей работе? Что главное?

— Мне кажется, что главное во всякой работе — понимать ее смысл. И акробаты обязаны думать, какой трюк и зачем они делают. А уж в драме, в кино — что говорит! Актер сам и изобретатель, и конструктор, и исполнитель, хотя он, конечно, зависит от всех звеньев процесса создания спектакля или фильма.

Второе — импровизация, фантазия. Ближайшая аналогия — спорт. На сцене, как и в футболе (имею в виду, конечно, хороший спектакль и хороший футбол), в любой момент могут возникнуть неожиданные, непредусмотренные ситуации. Быть хозяином «полю» — вот вершина. Спорт и театр — дело, как правило, коллективное, товарищеское. Есть даже такой термин — «легкий» партнер. Парт-

26 ФЕВ 1977
МЕТОДЕЖЬ АЗЕРБАЙДЖАНА
Г. БАКУ

Е. РЫК.